HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	К изучению тувинской аратской республики : новый взгляд на сталинский период истории тувы (1930-1941 гг.)
Author(s)	Цэдэндамба, Батбаяр
Citation	Acta Slavica Iaponica, 46(2), 1-35
Issue Date	2025
DOI	https://doi.org/10.14943/ASI.46-2.1
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/99140
Type	departmental bulletin paper
File Information	01_Acta46-2_Tsedendamba.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Acta Slavica Iaponica, Tomus 46, Issue 2, pp. 1–35

Articles

К изучению тувинской аратской республики : новый взгляд на сталинский период истории тувы* (1930–1941 гг.)

Батбаяр Цэдэндамба

д.и.н. Цэдэндамбын Батбаяр
Ведущий научный сотрудник
Институт Истории и Этнологии
Академия наук Монголии

Введение

Период развития Тувинского государства в 1930–1941 гг. все еще остается проблематичным и дискуссионным в историографии. В Тувинской советской историографии до 1990 г. этот период характеризовался как период «развития Тувинской Народной Республики по некапиталистическому пути к социализму».[1] В то время советские историки по указаниям идеологического отдела ЦК КПСС изобрели термин «некапиталистический путь развития» для объяснения переходного периода от феодализма к социализму для Советских Республик Средней Азии, включая в том числе Монгольскую Народную Республику (МНР) и Тувинскую Народную Республику (ТНР). Весь период истории обеих республик как МНР так и ТНР с 1921 г по начало II второй мировой войны трактовался как показательный пример развития отсталых кочевых народов по некапиталистическому пути к социализму и усиленно пропагандировался как модель для развивающихся стран Азии и Африки.

* Автор выражает благодарность за предоставленный трехмесячный грант Центром Славяноведения и Евразийских исследований Университета Хоккайдо (сентябрь и декабрь 2023 г.) и за советы и поддержку профессора Дэвида Вольфа и других профессоров данного Центра. Благодарим также анонимных рецензентов, которые высказали ценные замечания, позволившие уточнить ключевые тезисы статьи.

1 Тувинские авторы советского периода рассматривали этот период как часть этапа завершения антифеодальной революции и развития по некапиталистическому пути к социализму, который охватывал период 1921–1944 гг. Подробно об этом см. работу коллектива авторов Тувинского Научно-Исследовательского Института Языка, Литературы и Истории, под названием: История Тувы. Том II. М.: Изд-во «Наука», 1964. С. 136–197. Следует отметить, что ключевые проблемы истории Тувы в XX веке в советской научной литературе были освещены либо весьма односторонне, либо вовсе искажены.

В эпоху после распада СССР тувинские историки сделали некоторую корректировку в периодизацию истории Тувы за период с 1921 г. по 1944 г. Так, второй том «Истории Тувы» вышедшей в 2007 г., рассматривает весь этот период в трех временных отрезках 1921–1929 гг., 1930–1941 гг. и 1941–1944 гг. Интересующий нас период с 1930 по 1941 г. они трактуют как период «Политического и социально-экономического развития Тувинской Народной Республики».[2] По мнению самих авторов, этот том как-бы свободен от идеологического диктата, проводившегося в советское время, и применяет формационный подход в сочетании с цивилизационным, при этом большое внимание уделяется освещению вопросов религии, культуры и быта традиционного тувинского общества. Но тем не менее, несмотря на попытку коллектива авторов пересмотреть устаревшие положения и выводы, унаследованных из советских времен, авторы не смогли преодолеть односторонность, рамки политизированного изложения событий, и ограниченное, дозированное использование архивных материалов.

Период с 1921 г. по 1944 г. характеризируется как «период Тувинской Народной Республики» в современной Тувинской историографии. В России, в частности в Туве, в последние годы вышел целый ряд интересных, содержательных работ и статей, которым присуще стремление переосмыслить прошлое. Среди монографических изданий можно выделить работы Н.П. Москаленко,[3] М.В. Монгуша,[4] Н.М. Моллерова,[5] С.В. Саая[6] и Ч.К. Ламажаа.[7] По различным аспектам истории ТНР были защищены диссертационные работы С.Ч. Сат,[8] В.Д. Март-оол,[9] и О.Ю.

---

2 Авторы тома, в основном ученые из Тувинского Института Гуманитарных Исследований Республики Тыва, под общей редакцией члена-корреспондента РАН В.А. Ламина, представют этот том как попытку подытожить идущие в республике с конца 1980-х гг. научные и политические дискуссии на исторические темы. См. «История Тувы». Том II. Новосибирск:Изд-во «Наука», 2007. С. 183–373.

3 *Москаленко Н.П.* Этнополитическая история Тувы в XX веке. М.: Изд-во «Наука», 2004.

4 *Монгуш М.В.* История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Изд-во «Наука», 2001.

5 *Моллеров Н.М.* История советской зарубежной колонии в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.). Кызыл : Тип. МБОУ КЦО «Аныяк», 2022.

6 *Саая С.В.* Россия-Тува-Монголия: «Центрально-Азиатский треугольник» в 1921–1944 годах. Абакан, 2003.

7 *Ламажаа Ч.К.* Тува между прошлым и будущим. Второе издание. СПб.: Алтейя, 2011.

8 *Сат С.Ч.* Формирование и развитие политической системы ТНР (1921–1944 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск. 2000.

9 *Март-оол В.Д.* Социально-политическое и экономическое развитие ТНР (1921–1944 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Иргит[10] и других. Сталинские репрессии[11] в ТНР стали темой монографии О.Ю. Иргита,[12] молодого тувинского исследователя и его научного руководителя З.Ю. Доржу, профессора Тувинского Государственного Университета. Тувинское общество «Мемориал» опубликовал в 2003 г. сборник архивных документов под названием «Культ личности и репрессий в Туве».[13]

Особо стоит сказать о роли журнала «Новые исследования Тувы» ♦ — научного журнала, публикующего результаты комплексных, междисциплинарных исследований по проблемам тувиноведения — области гуманитарного, социального знания об истории и культуре Тувы. Журнал широко публикует статьи тувинских авторов посвященных таким аспектам истории ТНР, как восстания в Туве в 1930 и 1932 г., приход к власти «левых» и его последствия, роль ламаизма и представителей духовенства, языковая политика и ее роль в формировании строительства нации в ТНР и т.д.[14] Для новейших работ тувинских исследователей характерны открытость, стремление к объективности, критический подход. Вводятся в оборот новые источники и архивные материалы.

История Тувинского народа в указанный период привлекала внимание западных авторов, в том числе Питер Тана и Жеймса Форсайта. Питер Тан в книге «Российская и Советская политика в Маньчжурии и Внешней Монголии 1911–1931 гг.», вышедшей в 1959 г., рассматривает преемственность политики Царской России и СССР в отношении Тувы, как региона с большим «стратегическим значением» и «экономической привлекательностью». Тан считает что политика Царской России состояла из таких элементов как «поощрение колонизации», «отделение и изоляция» региона от остального мира, и «протекция с целью для будущей аннексии». Он отмечает что, политика СССР в отношении Тувы носит преемственный

---

10 *Иргит О.Ю.* Политические репрессии в ТНР в 1921–1944 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2019.

11 В Рукописном фонде Тувинского Института Гуманитарных и Прикладных Исследований (ТИГПИ) Республики Тыва хранятся 5 томов Сборника документов о репрессиях в Туве 1929–1954 гг. Второй том этого сборника о репрессиях в 1932–1938 гг. См. Рукописный фонд ТИГПИ. д. 1292. т. 2. л. 3–39.

12 *Доржу З.Ю., Иргит О.Ю.* Политические репрессии в ТНР (1921–1944 гг.). Новосибирск: Изд-во «Наука», 2022.

13 Культ личности и репрессий в Туве. Составитель М.Б. Достак-оол. Кызыл: Общество «Мемориал», 2003.

♦ Журнал «Новые исследования Тувы» был учрежден коллективом ученых-тувиноведов в 2009 г. под руководством д-ра философских наук Ч. К. Ламажаа при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда. Издание было призвано расширить горизонты гуманитарной науки, исследующей Туву; открыть тувиноведение для мировой науки и диалога с широкой общественностью. Это единственный научный журнал, полностью посвященный Туве и тувиноведению.

14 В настоящей статье были использованы научные статьи таких тувинских исследователей как Аяна А. Самдан, Е.М. Ондар, О.Д. Натсак, Л.К. Хертек и других, а также украинской исследовательницы И.В. Отрощенко.

характер и нацелен на еще больше колонизацию, отделению и изоляции региона от внешнего мира и что, в конечном счете приведет к новым тактикам протекции и аннексии.[15]

Другой автор Жеймс Форсайт в своем большом труде «История народов Сибири 1581–1990», вышедшем впервые в 1992 г., справедливо рассматривает Туву в тесной увязке с Монголией и выделяет два периода, период 1917–1929 гг. и период 1930-х гг. Форсайт отмечает что события в Туве в 1928–1930 гг. происходили в тесной параллели с событиями в Монголии и тувинское общество было подчинено «революции сверху» осуществленной руками советских русских агентов. На примере МНР и Бурят-Монголии в 1930-е гг., Форсайт показывает «провальную кампанию коллективизации» и разрушение буддистских монастырей и погром служителей культа, и страшный террор конца 30-х годов нагнетаемый Сталинской коммунистической партией против внутренной оппозиции.[16]

Автор настоящей статьи придерживается концепции что период истории Тувы с 1930 по 1941 г. следует рассматривать как «Сталинский период». Автор считает что в Тувинской Аратской Республике• (ТАР) к середине 1930-х гг. утвердилась одна из разновидностей административно-командной системы, авторитарный режим сталинистского типа. Автор поставил перед собой цель исследовать сталинизм и то, как сталинское государство в 1930-х гг. действовало в регионах, населенных монгольским народом или родственными ему народами, то есть в Монгольской Народной Республике, Тувинской Аратской Республике. Тувинская Аратская Республика в 1930–1941 гг., хотя формально оставалась как «независимая» республика,•• зеркально отражала все те процессы СССР сталинских годов,

15 Работа Питера Тана была посвящена к разоблачению экспансионистской политики СССР в Маньчжурии и Внешней Монголии и показать ее преемственный характер с предыдущей политикой Царской России за период с 1911 по 1931 гг. Он считал свом долгом развенчать «миф» русского и советского проекта в отношении Тувы. См. Peter S. H. Tang, *Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia 1911–1931* (Durham, North Carolina: Duke University Press, 1959), pp. 399–429.

16 Ж. Форсайт отмечает массивную фальсификацию фактов советскими авторами в СССР, особенно фактов осуществления «коллективизации, деномадизации и разрушения традиционных культур и занятий» народов Сибири. См. James Forsyth, *A History of the People's of Siberia: Russia's North Asian Colony 1581–1990* (Cambridge: Cambridge University Press, 1992), pp. 279–282; 321–323; 330–335; 372–379.

• ТАР — Тувинская Аратская Республика — название, принятое в Конституции республики 1930 г. В Конституции 1941 г. республика была названа по-новому-Тувинская Народная Республика т.е. ТНР. Автор считает, что период 1930–1941 гг. нужно назвать периодом Тувинской Аратской Республики. Надо отметить, что тувинские авторы привыкли рассматривать весь период 1921 по 1944 гг. как период «Тувинской Народной Республики» как она называлась в советской историографии.

•• Тувинская Народная Республика (ТНР), была формально «независимым» государством, признанным только СССР и МНР в 1920–30-х гг., она была аннексирована в октябре 1944 г. в состав РСФСР.

как коллективизация, раскулачивание, нападки на церковь, репрессии и советизация всех сторон культурной жизни.

Как пишут авторы многотомной Кембриджской «Истории России», Сталинская «модернизационная революция сверху стала одним из самых невероятных достижений двадцатого века и одним из самых дорогостоящих в смысле человеческих жизней. Сталинская революция была полна жестокими и шокирующими противоречиями для такого не менее жестокого и шокирующего века как двадцатый век. Партийные и государственные лидеры, уверенные в том что они строят социализм, были искренны с большим энтузиазмом возводить города, строить мосты и школы, внедрять научные методы земледелия, и модернизировать промышленность и поднять культуру. Та же самая уверенность позволяла им разрушать церкви, синагоги и мечети, массово перемещать людей, обеднять и довести людей до голода, заключать в тюрьмы и истреблять огромное количество людей».[17]

Автор пытается выявить общее и особенное в политике и практике советского руководства, олицетворенного в лице И.В. Сталина, по отношению как к Тувинской Аратской Республике так и Монгольской Народной Республике, чтобы понять сталинский период в истории монгольских регионов Евразии XX века, ее динамику и последствия для монгольских и родственных народов. При этом внимание акцентируется на так называемых «белых пятнах», дискуссионных и малоизученных спорных вопросах истории Тувы в XX веке.

Тува в 1930-х гг., как и МНР, не только была объектом постоянных политических кампаний проводимых в СССР, но и объектом Сталинской геополитики в отношении соседних государств, как территория примыкающая к Монгольской Народной Республике и составляющая вместе с МНР единую буферную зону в условиях нарастающей опасности военного столкновения с Японией. Исходя из таких внутренних и внешних факторов СССР, автор, во-первых, рассматривает культурные преобразования в Туве, включая усилия советских органов по ликвидации доминирующего культурного влияния Монголии в Туве и систему образования в Туве, подготовку тувинских национальных кадров.

Далее освещается вопрос сплошной насильственной коллективизации в Тувинской Аратской Республике в 1930-е гг. проведенной по примеру Монгольской Народной Руспублики. Коллективизация в ТАР началась мерами конфискации частной собственности традиционной знати и насильственным выселением зажиточных элементов, т.е. «тувинских кулаков» в отдаленные места, как в других регионах СССР. Автор анализирует колхозное строительство в ТАР в первой половине 1930-х гг., приведшее к разрушению традиционного метода ведения пастбищного

17 David R. Shearer, "Stalinism, 1928–1940," in Ronald G. Suny, ed., *The Cambridge History of Russia*, vol. 3: The Twentieth Century (Cambridge: Cambridge University Press, 2006), pp. 192–193.

животноводства и насаждению оседлости. Коллективизация и нападки на буддистские монастыри привели к широкому протестному движению, которое вылилось в открытое вооруженное восстание охватившее значительную часть территории Тувы.

В заключительной части статьи, автор рассматривает Сталинистские репрессии в Тувинской Аратской Республике в тесной увязке с репрессиями в соседней Монгольской Народной Республике во второй половине 1930-х гг. Автор считает, что репрессиями в обеих республиках руководили из Москвы исходя из геополитических расчетов руководства СССР. Руководство СССР, особенно И.В. Сталин, уделяло пристальное внимание к поддержанию политической стабильности как в ТАР так и в МНР, так как обе республики по мнению Москвы, составляли единое целое буферное пространство, граничащая с «внешним, враждебным миром».

1. «Культурная революция» по советскому образцу в ТАР в 1930-е гг.

1. 1. Усилия СССР по ликвидации монгольского культурного доминирования в Туве

В начале XX века буддистские монастыри (хурээ по-монгольски — Ц.Б.) являлись фактически единственными очагами просвещения в Туве. Ламы были носителями просвещения и не случайно, они составляли ядро правительственных чиновников в 1920-х гг. Правительство Тувы в 1920-е гг. вынуждено было опираться на уже существующую сеть монастырей чтобы продвигать дело обучения детей монгольской грамоте. Например, на заседании Центрального Комитета Тувинской Народно-Революционной Партии (ЦК ТНРП[18] 29–31 декабря 1924 г. ставится задача всеобщего образования и принимается решение обучать аратов на монгольском языке, независимо от пола и возраста. В докладе С. Тока по вопросам школьного строительства от 10 января 1930 г. отмечалось: «В школах (1926 г.) мы имели всего 47 ... а в монастырях до 580 человек». Школы охватывали небольшое число детей, преподавание велось священнослужителями-ламами на монгольском языке. К началу 1929 г. в Туве смогли создать три начальные школы первой ступени с 6 учителями-ламами и 160 учениками. Обучение в них велось на монгольском языке и носило религиозный характер.[19]

31 августа 1925 г. вышел первый номер газеты «Эрх чөлөөт Танну-Тува» («Свободная Танну-Тува») — органа ЦК ТНРП — на монгольском языке. 15 августа 1926 г. появился первый номер газеты «Танну-Тувагийн үнэн» («Правда Танну-Тувы») — органа ЦК ТНРП, Президиума Малого

18 ТНРП или Тувинская Народно — Революционная Партия, созданная в 1922 г. по образцу Монгольской Народно — Революционной Партии в Монголии, стала проводником политики Коминтерна в 1920-х и 30-х гг.

19 История Тувы. Том II. Новосибирск: Изд-во «Наука», 2007. С. 243–246.

Хурала и Совета Министров ТАР. В следующем году стали выходить журналы «Хувьсгалт Арат» («Революционный арат») и «Залуучуудын зорилго» («Задачи Молодежи») на монгольском языке.[20] С третьего номера, вышедшего 19 апреля 1927 г., «Танну-Тувагийн унэн» стала называться просто «Тувагийн унэн» («Тувинская правда»). Сначала газета издавалась на монгольском языке, а с 19 января 1931 г. — уже на тувинском под названием «Шын» («Правда»). В 1926 г. осуществляется выпуск на монгольском языке первых книг, брошюр и журналов. По заказу партийно-правительственных органов печатались законы, уставы партии и ревсомола и др. Таким образом, монгольский язык и монгольская письменность были средствами просвещения, коммуникации и партийной пропаганды в 1920-е и в первой половине 1930-х гг.

IV съезд ТНРП (14–19 октября 1925 г.) постановил обучение проводить на монгольском и русском языках, официальную же работу в учреждениях вести на монгольском. По просьбе ЦК ТНРП, Бурятский обком ВКП (б) и ЦК Монгольской Народно-Революционной Партии (МНРП) с 1925 г. присылали в Туву свою периодику, переведенные и оригинальные работы. Среди них — резолюции и решения съездов и пленумов МНРП, материалы ряда съездов РКП (б), постановления Великих Хуралов и Конституции МНР, собрания законов про государственное строительство, бюллетени правительства Монголии, Программа Коминтерна, Устав ВКП (б) и т. д. В 1920-е гг. на монгольском издавались отдельные постановления ЦК, пленумов и съездов партии, программа и Устав ТНРП, некоторые законы, Конституция ТАР и прочие документы.[21]

С 1926 г. начала постоянно функционировать Тувинская центральная партийная школа, где изучался, в частности, и монгольский язык. В течение 1924–1929 гг. ЦК ТНРП отправлял учиться определенный контингент в партшколу при ЦК МНРП. Среди ее слушателей были будущий генсек ЦК ТНРП О. Соднам и глава Президиума Малого Хурала ТАР — А.Т. Хемчик-оол.

Как пишет И.В. Отрощенко, языковое строительство в Туве, как и в СССР, сопровождалось своеобразной риторикой, отражавшей взгляды советской правящей элиты на задание языка в обществе. Как уже указывалось выше, IV съезд ТНРП постановил на первых порах обучение проводить и на монгольском, и на русском языках, официальное делопроизводство вести на монгольском языке. На самом съезде звучали вопросы тувинских делегатов: какую надо вводить письменность, «беря за основу русскую или монгольскую?».[22]

20 *Маадыр М.С.* Газетный фонд Национального архива Республики Тува // Новые исследования Тувы. 2020. № 2. С. 89–94.

21 См. *Отрощенко И.В.* Языковая политика и культурное строительство в ТНР // Новые исследования Тувы. 2015. № 2. С. 19.

22 *Отрощенко.* Языковая политика и культурное строительство. С. 22.

В справке «Тува», составленной советской стороною и датированной началом 1929 г. упоминалось, что культурное строительство в ТНР и подготовка нового кадра национальных работников упираются в отсутствие национальной тувинской письменности. Хотя тувинцы «не являются ветвью монгольской расы» и их разговорный язык не похож на монгольский, они используют монгольскую письменность, и это ставит Туву в невыгодную зависимость от Монголии в плане культурного развития. Среди практических заданий советской стороны были следующие: 1) форсировать подготовку новых кадров путем укрепления существующей в Туве партшколы и выделения соответствующего количества мест для тувинцев в советских партийных и специальных учебных заведениях: 2) предоставить ТНРП материальную поддержку для налаживания издательского дела и быстрейшего переведения его на национальную письменность по примеру тюркских народов СССР.[23]

В 1927 г. ученые СССР разработали единый (унифицированный) латинизированный новотюркский алфавит (НТА), на основе которого в краткие сроки создавалась письменность в первую очередь для тюркоязычных народов СССР. Как пишут авторы «Истории Тувы», что еще в 1927 г. руководство ТНР решило ввести в стране письменность на латинизированной основе, а в начале 1928 г. ЦК ТНРП обратился с поручением ее создания к ученым-ламам, которые и приступили к его выполнению. Основную роль в разработке письменности играл настоятель Верхне-Чаданского хурэ Монгуш Лопсан-Чимит.[24]

Летом 1928 г. подготовил свой проект письменности М. Лопсан-Чимит.[25] В основу его лег алфавит немецкого языка. Как пишет М.В. Монгуш, пока его проект проходил экспертизу в Москве, в Туве им уже начали пользоваться. Ученый-лама был знаком с письменными традициями Индии, Тибета, Монголии и некоторых европейских стран. Работа Лопсан-Чимита представляла собой двухтомное учебное пособие под названием «Основы тувинской письменности», к которому прилагались переводы на русский и монгольский языки.[26]

Как пишет Терри Мартин,что «Латинизация подразумевала либо изменение алфавита языка с арабского или кириллического на латинский алфавит, либо создание нового письменного языка с использованием латинского алфавита для ранее исключительно устных языков. Успех движения латинизации стал возможным благодаря пересечению срочной потребности, созданной новой советской национальной политикой, и

23 РГАСПИ (Российский Государственный архив социально-политической истории). ф. 508, оп. 3, д. 5, л. 41.

24 История Тувы. Том II. Новосибирск: Изд-во «Наука», 2007. С. 265

25 Лопсан Чимит родился в 1888 г. и в течение 18 лет обучался сначала в монгольском Гандан хурэ, затем в тибетском Лавране. В Туву Лопсан-Чимит вернулся в звании кешпи. Он был репрессирован в 1941 г.

26 *Монгуш М.В.* История Буддизма в Туве. Новосибирск: Изд-во «Наука», 2001. С. 109.

символической повестки дня определенной восточной элиты. Срочная потребность была ясна. Советская национальная политика требовала, чтобы все образование и государственная работа велись на родных языках. Поскольку письменные языки большинства малых национальностей Советского Союза находились в очень зачаточном состоянии, это создало внезапную необходимость в быстрой языковой реформе».[27]

Известный ученый-филолог Н.Н. Поппе взялся за подготовку тувинского алфавита на основе НТА и закончил примерно в конце 1928-начале 1929 г. после чего проект был передан в НКИД СССР, а оттуда в феврале 1929 г. в Тувинское полпредство в Москве. Одновременно с завершением работы над тувинским алфавитом Н.Н. Поппе написал статью, где речь шла о звуковом строе тувинского языка, публиковался сам алфавит и высказывались соображения относительно тувинской орфографии. Как пишут авторы «Истории Тувы», в Кызыл проект Поппе поступил весной 1929 г. и был отклонен тувинским руководством, хотя при этом признавалось, что он хорошо продуман и учитывает отличительные особенности тувинской орфографии.[28]

9 октября 1929 г. заместитель наркома иностранных дел СССР Л. Карахан в обращении к коминтерновцам утверждал, что монгольская письменность есть в Туве, по сути, «лишь языком буддийских дацанов и канцелярий. Между тем, наша задача, мне кажется, состоит в том, чтобы тувинцы могли при нашей помощи создать свою письменность на основе латинизированного тюркского алфавита, что они уже начали делать и что их культурно может сблизить с алтайцами и хакасами».[29] Здесь Карахан прямо ставит вопрос о негодности монгольской письменности и о необходимости создания нового тюркского алфавита для тувинского населения.

Резолюция VIII съезда ТНРП поручала ЦК в срочном порядке проработать вопрос о введении латинизированного новотюркского алфавита с учетом особенностей тувинского языка, используя опыт ближайших тюркских народностей. Учитывая, что многие тувинские кадры учились в Советском Союзе, а также потребность дальнейшего укрепления связей с СССР, съезд считал необходимым обратить особое внимание на изучение русского языка.[30] Утверждалось, что самой существенной мерой, которая ослабит влияние духовенства, станет борьба за ликвидацию безграмотности населения, в первую очередь, членов партии.

Вопрос об основе тувинской письмености окончательно был решен на VIII съезде ТНРП. В письме ЦК ТНРП в ЦК ВКП (б) отмечалось, в частности, что съезд поручил руководству ТНРП «обратиться за помощью

27 Terry Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* (Ithaca: Cornell University Press, 2001), p. 185.

28 История Тувы. Том II. Новосибирск. 2007. С. 267

29 РГАСПИ. ф. 508, оп. 3, *д.* 5, *л.* 125.

30 РГАСПИ. ф. 495, оп. 153, *д.* 30, *л.* 75.

в ЦК ВКП (б) в деле выработки тувинской письменности, в основе которой должен лежать новотюркский алфавит, принятый у тюркских народов СССР».[31] Таким образом, решение было политическое, ЦК ТНРП учитывая рекомендации Коминтерна вынужден был принять за основу тувинской письменности новотюркский латинизированный алфавит, принятый к тому времени большинством тюркских народов СССР.

Тувинская письменность на основе новотюркского латинизированного алфавита была введена декретом правительства ТАР 28 июня 1930 г. Вскоре на страницах выходившей в Кызыле на монгольском языке газеты «Таннү-Тувагийн Үнэн» (орган ЦК ТНРП и правительства ТАР) было опубликовано постановление о введении в Туве собственной письменности и напечатан тувинский алфавит с краткими правилами правописания. Вскоре во всех хошунах и сумонах[32] были созданы курсы ликвидации неграмотности и пункты по обучению грамоте (ликпункты).[33] Таким образом, монгольский и тибетский языки объявлялись языками реакционного ламства, не несущими пользу тувинскому народу. На смену им пришел русский язык.

Ряд неотложных мер было предусмотрен в постановлении Агитпропа ЦК ТНРП по вопросу о введении новой государственной письменности, вышедшем 23 июня 1930 г. В частности, в нем были указаны:

1. С 1 сентября 1930 г. в центральных органах, с 1 декабря того же года в местных органах начать переводить делопроизводство на новую письменность, с тем чтобы закончить это дело к 1 мая 1931 г.;
2. С начала 1930/31 учебного года во всех тувинских школах 1-й ступени и в Кызылской партшколе вести на всех годах обучения преподавание родного языка и письменности на новом алфавите.
3. С 1-го мая 1931 г. печатать всю газету «Тувинская правда» на тувинском алфавите;
4. С 1 июля 1930 г. организовать курсы ликвидаторов неграмотности;
5. Обратиться в Райбюро ВКП (б) с предложением о введении обязательного изучения тувинского языка в русских школах; и т.д.[34]

Со второй половины 1930-х гг. начался массовый перевод письменности народов СССР с латинской на русскую графическую основу. Позже их примеру последовала Тувинская Аратская Республика. Вопрос о переходе к такой письменности обсуждался на XII съезде ТНРП (апрель 1941 г.), который и принял соотвутствующее решение.

---

31 История Тувы. Том II. Новосибирск. 2007. С. 268.

32 Хошун и сомон означают административные единицы, унаследованные из Цинской династии, применямые одинаково в Монголии в 1920-х и 1930-х гг.

33 История Тувы. Том II. М., 1964. С. 176–177.

34 История ТНР в архивных документах (1921–1944 гг.). Новосибирск, 2011. С. 84–86.

Как справедливо отмечает И.В. Отрощенко, тувинское государство получало значительную помощь от СССР, но пользовалось ограниченным суверенитетом, что непосредственно сказалось и на языковой политике ТАР. На вышеупомянутые процессы модернизации в гуманитарной сфере оказали решающее влияние языковая политика СССР, а также намерение советской дипломатии и Коминтерна постепенно нивелировать монгольский фактор в тувинском обществе.[35] Как видно, монголо-тувинские тесные связи кому-то очень мешали, поэтому ее пытались предотвратить не только в политической, но и в гуманитарной плоскости.

1. 2. Образование и культурно-просветительная работа в ТАР в 1930-е гг. Начиная с начала 1930-х гг. Москва пытается провести «культурную революцию» в отсталой, полукочевой Туве, и перестроить всю хозяйственную, школьную и культурную жизнь по советскому образцу. В этом отношении большую роль сыграла экспедиция Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП)[36] в ТАР, осуществленная во второй половине 1930 г., с целью «проведения научного обследования различных сторон современной хозяйственной, политической и культурной жизни республики». Причем та же экспедиция дважды обследовала МНР перед этим и собрала значительный материал, характеризующий «современное положение» МНР. Поэтому, двойная цель таких экспедиций очевидна, она состояла в выяснении различных насущных проблем, стоящих перед МНР и ТАР, и в поддержке советских организаций в планировании и проведении тех политических, экономических и других мер, чтобы «сблизить обе республики советским нормам, стандартам жизни».

Как говорилось в докладной записке Тувинской экспедиции,[37] что основная цель экспедиции состоит в «выяснении путей развития современной Тувы и тех мероприятий, которые должны обеспечить ее

35 Отрощенко. Языковая политика и культурное строительство в ТНР. С. 28.

36 Ассоциация создана в конце 1926-начале 1927 гг. при Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). Состояла из двух секций — советского и зарубежного Востока.

37 Состав экспедиции состоял из 12 членов, в том числе Покровский *Л.Д.*, начальник экспедиции, заместитель ректора КУТВ, ответственный за набор 50 новых тувинских студентов КУТВа, Тележников Ф.Е., ученый секретарь НИАНКП, ответственный за обследование ламства и ламаизма, Полеес, член Президиума НИАНКП, председатель кафедры по экономической комиссии экспедиции, Пальмбах А.А., лингвист, в качестве члена культурной комиссии и специалиста по латинскому алфавиту. Все обследование должно было идти под углом зрения, насколько работа партийных и государственных организаций обеспечивает «некапиталистическое развитие» республики. См. История ТНР в архивных документах (1921–1944 гг.). Новосибирск, 2011. С. 86–93.

дальнейшее успешное некапиталистическое строительство». Экспедиция ставила в частности, перед собой такие задачи:

1. По линии экономической. Изучение хозяйственной жизни Тувы чтобы помочь партийным, государственным органам в составлении пятилетнего плана развития народного хозяйства;
2. По линии политической. Обследование партийного, государственного и ревсомольского строительства в центре и на местах. Изучение положения ламаизма и ламства в стране.
3. По линии культурной. Внедрение письменности с помощью латинского алфавита, распространение букваря, проведение курсов по подготовке учителей грамоты с помощью 12 тувинцев, подготовленных для этой цели КУТВ-ом, обследование школьного дела и составление плана развития народного образования.[38]

В начале 1930-х гг. только что созданное Министерство культуры ТАР, которым руководит выпускник КУТВ-а С. Тока, готовит документ под названием «Вопросы делегации СССР», в котором сформулированы основные виды помощи со стороны СССР.[39] В нем обобщены такие запросы как:

«а) Помощь в подготовке кадров,
б) помощь школьному строительству;
в) помощь радио и киноработе,
г) помощь проработке новой письменности».

Нельзя обойти сформулированные в этом документе конкретные и приблизительные виды помощи СССР, которые заключались в «1. Плановой и всесторонней постановке изучения природных условий и природных богатств страны, 2. […] хозяйства, быта Республики […], 3. Помощь проведению переписи, 4. Выделение из книгохранилищ, музейных фондов, документов, экспонатов, литературы и др. материалов (в дубликатах), относящихся к бывшему Урянхаю, к Туве и снабжению ими Учкома[40] Тувы; 5. Регулярное снабжение литературой, относящейся к странам Востока из фондов Книжной палаты СССР, 6. Помощь (организационная) работе Учкома со стороны научных органов СССР».[41]

38 История ТНР в архивных документах. С. 86.

39 НАРТ (Национальный Архив Республики Тыва), ф. 92, оп. 1, д. 54, л. 29–34.

40 Ученый Комитет ТАР или Учком был организован в 1930 г. по примеру Учкома МНР при помощи экспедиции Покровского. У Учкома Тувы были три секции: экономическая, историческая и краеведческая. Во введении Учкома были издательство тувинских брошюр, музей, комиссия Госписьменности. Учком был ликвидирован в 1933 г.

41 НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 54, л. 33, 34.

О состоянии грамотности населения, о работе по ликвидации неграмотности, школьном деле можно судить по докладной записке экспедиции НИАНКП о проделанной работе, составленной в 1931 г. В ней говорится: «В Кызыле созданы курсы на 300 человек по изучению новой письменности. Распространено по 9,000 букварей на новой письменности и ввиду огромного запроса на букварь приготовлено к изданию еще 10 тыс. букварей. О колоссальном тяге к изучению последней (т.е.письменности) говорит хотя бы то, что в двух хошунах имеются до 35-ти кружков по изучению новой письменности, что в течение полугода ликвидировало свою неграмотность на основе новой письменности до 3,000 аратов».[42]

Очень красноречивые цифры приводятся о подготовке тувинских кадров в МНР и СССР. В докладной записке говорится, что «с 1925 г. начинается подготовка работников в учебных заведениях СССР. Одновременно десяток человек до 1929 г. посылался ежегодно на учебу в Монголию. С 1928 г. число посылаемых учиться в СССР резко повышается. Так, в 1928 г. было послано 89 чел., в 1929 г. — 156, а в 1930 г. — 199. В данное время всего в СССР из ТАР обучается свыше 300 человек. Крайняя нужда в подготовленных работниках в различных областях государственно-хозяйственной и общественной деятельности диктует необходимость просить СССР об увеличении ежегодного приема в советские учебные заведения до 265 человек».[43]

КУТВ♦ готовил тувинских кадров прежде всего на основном трехгодичном отделении. В его стенах за 1925–1944 гг. прошли обучение более 200 чел. Кроме того, с 1929 по 1933 г. для ускоренной подготовки низовых работников Тувы при КУТВ организовали годичные, а затем двухгодичные хошунные курсы, на которых прошли обучение 83 чел. В КУТВ действовала ячейка ТНРП, которая активно проводила партийную работу среди студентов-тувинцев. Понятно, что выпускники КУТВ после обучения занимали руководящие партийно-государственные посты.[44]

Важный вклад в подготовку кадров внес Монгол рабфак, открытый в 1930 г. в Верхнеудинске (ныне — Улан-Удэ) специально для представителей Монгольской и Тувинской республик. Такая связь неслучайно, советские власти рассматривали как МНР и ТАР формально независимые, но подлежащие к советизации республики. Продолжительность обучения на рабфаке составляло 6 лет: 2 года на подготовительном отделении и 4 года — на основных курсах. Преподавание делалось на русском и монгольском языках. Всего на Монголрабфак были направлены две группы тувинцев (44 и 26 чел).[45]

---

42 История ТНР в архивных документах. С. 114.

43 История ТНР в архивных документах. С. 115–116.

♦ КУТВ-Коммунистический Университет Трудящихся Востока имени И.В. Сталина, учебное заведение Коминтерна, действовавшее в Москве с 1921 по 1938 гг.

44 История Тувы. Том II. Новосибирск. 2007. С. 247–248.

45 История Тувы. Том II. С. 249.

В первое десятилетие ТАР школы были только 4-летними и давали только начальное образование. Создание хошунных школ-интернатов вызвано было тогда кочевым образом жизни тувинских аратов. Они были четырехклассными. Сумонные школы-интернаты имели двухгодичный курс обучения и готовил учеников для поступления в третий класс хошунных школ. Только в 1940/41 учебном году были открыты первые школы-семилетки в Кызыле, Шагонаре, Чадане и Кызыл-Мажалыке.[46]

X съезд ТНРП (ноябрь 1936 г.) постановил обеспечить ликвидацию неграмотности среди взрослого аратского населения к 1937 г., для чего добиться создания в каждом сумоне по ликпункту и расширения сети добровольных кружков по изучению письменности, построить по одной зимней и летней школе, обеспечить их соответствующим учительским составом, создать в Кызыле в 1936–1937 учебном году учебный комбинат для подготовки национальных специалистов средней квалификации.[47]

Как пишут авторы «Истории Тувы» (Москва, 1964), за 10 лет, с 1930/31 по 1940/41 г., в строительстве Тувинских школ произошли заметные сдвиги. Число школ-интернатов увеличилось с 7 до 70, а учащихся в них — с 450 до 3,633; более половины (50.7%) детей школьного возраста было охвачено обучением. Это был значительный прогресс для такой безграмотной страны, как ТАР, которая испытывала большую нехватку квалифицированных учителей. В первое десятилетие тувинской школы учителями были лица, окончившие пункты ликбеза, начальную школу, краткосрочные педагогические курсы или в лучшем случае годичные курсы в Горно-Алтайске.[48]

После создания своей письменности на страницах газеты «Шын» («Правда» с января 1931 г.) печатаются первые небольшие по размеру художественные произведения — стихи, очерки, рассказы. Создают свои первые произведения С. Сарыг-оол, С. Пюрбю (стихи), В. Кок-оол, С. Тока (пьесы) и другие. Проведенная ЦК ТРСМ♦ в 1936 г. республиканская олимпиада художественной самодеятельности молодежи выявила многих одаренных тувинских писателей: О. Саган-оола, В. Эренчина, Л. Чадамба и др. Первые произведения этих молодых авторов были опубликованы в 1937 г. в литературном сборнике «Чыынды чогаалдар» («Избранные произведения»).[49]

В первой половине 1930-х гг. молодые тувинцы учились в учебных заведениях СССР и МНР, где познакомились литературой монгольского, бурятского и алтайского народов. С. Тока, С. Сарыг-оол, С. Самба-Люндуп, Б. Ховенмей являлись слушателями КУТВ, В. Саган-оол учился в

46 История Тувы. Том II. М., 1964. С. 179.

47 НАРТ, ф. 93, оп. 1. д. 7. л. 22.

48 См. История Тувы. Том II. М., 1964. С. 180.

♦ ТРСМ — Тувинский Революционный Союз Молодежи, был создан в 1924 г. и стал верным помощником ТНРП в борьбе за новый путь развития в Туве.

49 См. История Тувы. Том II. М., 1964. С. 186.

Иркутском пединституте, В. Эренчин- в Горно-Алтайском педтехникуме. В журнале «Задачи молодежи» вышла на монгольском языке подписанная псевдонимом «Коммунист» компилятивная поэма «Обозрим прошлое и настоящее», посвященная тувинской действительности и ставшая одним из первых литературных произведении в Туве.[50]

Ведущим жанром тувинской литературы тех лет была поэзия. В 1926 г. в журнале «Революционный арат» публикуется первое авторское произведение этого жанра написанное М. Соднамом на тувинском языке. В 1934–1937 гг. публикуются стихотворения С.А. Сарыг-оола — «Когда свобода в наших руках», «Женщина», «Мы победили», стихотворения Б.Д. Ховенмея — «Свободный арат внимает», «Годовщина Октября» — и других поэтов. Тувинские писатели начали создавать крупные оригинальные произведения. В 1939 г. С. Пюрбю написал поэму «Чечек».[51]

Зарождение тувинской художественной прозы относится к 30-м годам. Первыми рассказами, по мнению тувинских исследователей, были произведения, вошедшие в книгу «Как были разбиты оковы», воспоминания С. Тока в 4-х частях: «Как я рос», «Муки батрака», «Нравы феодала» и «Деспот нойон», а также «Мною увиденное» О. Данчаем, «Как я начал учиться» Шагдар-Сюрюна и «Героическая борьба» С. Иванова. Художественными достижениями тувинской прозы этих лет считаются литературная сказка «Чудесное дерево Агар-Сандан», повесть «Подарок» С. Сарыг-оола, «В берестяном чуме» С. Тока, и публицистический очерк О. Сагаан-оола «От имени тувинского народа».[52]

Пьесы, созданные в эти годы стали классикой тувинской драматургии. Первая пьеса, посвященная началу колхозного движения в Туве А. Темира (литературный псевдоним А. Пальмбаха) появилась в 1931 г. Вслед за ней было напечатано еще несколько пьес местных авторов, среди которых выделялись пьесы С. Тока — «Женщина», «Узун-Кара и Семис-Кара», В. Кок-оола — «Хайыраан бот», «Не забывай джут», «Чалым-Хая». Основное содержание этих пьес, как бы отражение событии тех лет, борьба тувинского народа с феодальными нравами, конфликты старого и нового быта, борьба за грамотность. 25 марта 1936 г. при учебном комбинате в Кызыле открылся первый театр-студия в составе 10 актеров. Особенно популярны были летние гастроли театра-студии по хошунам и сумонам.[53]

В 1930 г. в «Танну-Тувагийн Унэн» начали печататься материалы на тувинском языке, в августе газету переименовали в «Тыва араттын шыны» («Правда тувинского арата»). С 1931 г. она стала выходить под названием «Шын» («Правда») и полностью на тувинском языке. В 1933 г. появилась новая еженедельная газета «Реванэ шыны» («Правда ревсомола») — печатный орган ЦК ТРСМ, — которая с 1936 г. стала называться «Аревэ шыны»

50 История Тувы. Том II. Новосибирск. 2007. С. 283.

51 История Тувы. С. 283–284.

52 История Тувы. С. 284.

53 История Тувы. Том II. М., 1964. С. 187–188.

(«Ревсомольская правда»). Тираж ее быстро рос и в 1937 г. достиг 5,550 экземпляров. С целью удовлетворения информационных и культурных запросов сельского коренного населения в 1936 г. создается газета «Хостуг арат» («Свободный арат»). Политико-экономический журнал «Революстуг арат» («Революционный арат») возобновил свой выпуск в 1937 г.[54]

Постановление Президиума ЦК ТНРП «О перестройке газеты "Шын"» от 30 декабря 1933 г. положило начало установлению идеологического контроля за деятельностью редакции национальных газет, так как им вменялось в обязанность вести плановую и подотчетную ТНРП деятельность. Следствием дальнейшего усиления контроля над местной печатью стало создание в 1939 г. при Президиуме Малого Хурала ТАР специального органа — Комитета по цензуре, который контролировал политическое содержание всех литературных произведений, газет и журналов, выходивших на территории Тувинской Аратской Республики.[55]

2. Коллективизация в Тувинской Аратской Республике в 1930–1941 гг. и ее последствия

О начале массового движения в сторону коллективизации в масштабе СССР можно судить по следущими фактами. Как пишет Мартин Макколли, «Советское руководство, по-видимому, было удивлено тем, как легко было ускорить коллективизацию. Партийные функционеры в нескольких выбранных областях соревновались друг с другом, и когда они добились успеха, Сталин и ключевые должностные лица, занимавшиеся коллективизацией, Молотов и Каганович, знали, что они могут превзойти скромную цель коллективизации 20 процентов посевных площадей, запланированных на 1932 год. Число крестьян в колхозах всех типов удвоилось с июня по октябрь 1929 года, и 7 ноября 1929 года Сталин заявил, что началось великое движение к коллективизации. 5 января 1930 года Политбюро заявило, что крупное кулацкое производство должно быть заменено крупным колхозным производством. Зловещим для зажиточных фермеров оно также провозгласило "ликвидацию кулака как класса"».[56]

Курс на коллективизацию был дан положениями VIII съезда ТНРП (20 октября — 10 ноября 1929 г.).[57] Вопрос о кооперировании аратских хозяйств рассматривался на совместном пленуме ЦК и ЦКК ТНРП в июне 1930 г.

54 История Тувы. Том II. Новосибирск. 2007. С. 287–288.

55 История Тувы. Том II. Новосибирск. 2007. С. 288.

56 Martin McCauley, *Stalin and Stalinism*, Second Edition (New York: Longman, 1995), pp. 24–25.

57 В подготовке съезда и его проведении принял активное участие представитель Исполкома Коминтерна — И.Л. Райтер. На съезде была объявлена борьба с «правым уклоном» в партии, а также выдвинуты задачи развития ТНР по «некапиталистическому пути» при непосредственной экономической и политической помощи со стороны СССР. См. *Москаленко Н.П.* Этнополитическая история Тувы в XX веке. М.: Наука, 2004. С. 115–117.

Восточный секретариат Исполкома Коминтерна в письме VIII съезду ТНРП от 9 сентября 1929 г. определил общие задачи, стоявщие перед ТНРП такие как, обеспечить некапиталистический путь страны, поднять рост активности бедноты, аратства и батрачества.[58] Несомненно, руководство ТНРП брал пример и был воодушевлен решением VII съезда МНРП, состоявшегося 23 октября-10 декабря 1928 г. на котором тоже был взят курс на некапиталистический путь и на сплошную коллективизацию в соседней Монгольской Народной Республике.

Весной 1931 г. была проведена насильственная конфискация частной собственности т.н. «феодалов», т.е. бывших князей или нойонов, баев, и теократов. Всего подверглись конфискации, согласно автором «Истории Тувы», 303 хозяйств, у них было изьято 18,578 голов скота (в переводе на крупный скот) и имущество на сумму 35,572 руб. Причем, т.н. феодалы с их семьями были выселены с насиженных мест, чтобы якобы «подорвать их влияние» среди аратства. Конфискованное имущество т.н. феодалов, передавалось госхозам и бедняцко-батрацким хозяйствам. В первую очередь производилось выдача скота беднякам и батракам, с доведением у каждой семьи поголовья до 5 голов (в пересчете на крупный скот). Бедняки, батраки и коллективные хозяйства получили около 75% конфискованного скота. На организацию новых госхозов и пополнение поголовья овцеводческого госхоза было выделено 18% конфискованного скота. Золото и серебро т.н. феодалов перешли в государственную казну.[59]

О масштабах конфискации можно судить по одному хошуну. Только по Тес-Хемскому хошуну в списке бывших феодалов, подвергшихся конфискации, было 217 чел. Имущественное положение этих лиц не были одинаковыми, одни имели до 227 бодо,[60] а многие — по 10, 20 и более бодо скота. В 1931 г. по Тере-Хольскому сумону того же хошуна в список лиц, чье имущество подлежало конфискации, входило 13 человек: сын князя-нойона, ламы и бывшие чиновники старой администрации сумона.[61]

В ТАР процесс массового кооперирования крестьянских и аратских хозяйств начался без какой-либо подготовки. В 1925 г. во всей Туве насчитывалось около 13 тысяч аратских единоличных хозяйств. В 1928 г. создан госхоз «Элегест» зернового направления. С 1929 г. организуются товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ) среди трудовых аратов. Первые два ТОЗа были созданы на Хемчике, в них входило 36 хозяйств. В конце 1930 г. в товариществах этого типа состояло уже 377 хозяйств, в том числе в Дзун-Хемчикском и Барун-Хемчикском хошунах — 201, в

58 История Тувы. Том II. М., 1964, С. 132–133.

59 Там же, С. 142–143.

60 Бодо — условная единица, выражавшая количество скота в ТАР и в МНР. Одно бодо соответствовало одной лощади или одной голове крупного рогатого скота. Одно бодо также равнялось 11 овцам или козам, или 1,5 верблюда.

61 *Натсак О.Д.* Тере-Хольское восстание в Туве (1932 г.) // Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 3. С. 29.

центральных хошунах — 164. К июлю 1931 г. кооперирование охватило 32.5 % аратских хозяйств.[62]

12–16 июля 1931 г. в госхозе «Элегест» проходил I съезд колхозников Тувинской Аратской Республики. На этот съезд приехало 193 представителя коллективных обьединений, из них от тувинских обьединений было 159 человек. В работе сьезда приняли участие глава делегации СССР, прибывший на празднование 10-й годовщины Тувинской революции, А.В. Шотман,[63] представители от Коминтерна, Горного Алтая, Хакасии. На сьезде было заслушано сообщение о ходе коллективизации. По решению съезда для оперативного руководства колхозным движением при Совете Министров ТАР было создано — Колхозцентр, а в хошунах-колхозсекций. Для подготовки колхозных кадров в 1931 и 1932 г. организовывались курсы.[64]

Граф. 1. Колхозное строительство в хошунах ТАР на ноябрь 1931 г.

Наименование хошунов	Количество колхозов на 1 ноября 1931 г.	В них аратских хозяйств	Процент середняцких и бедняцких хозяйств, охваченных колхозами
1. Улуг-Хэмский	51	777	28%
2. Тесийн гольский	33	988	63.7%
3. Каа-Хемский	70	1,216	55%
4. Дзун-Хемчикский	61	1,156	28.3%
5. Барун-Хемчикский	88	2,292	69.2%
6. Тоджа	-	-	-
	303	6,429	44.5%

Источник: История ТНР в архивных документах 1921–1944 гг. Новосибирск. 2011. С. 99.

В октябре 1931 г. в ТАР насчитывалось 303 коллективных обьединений, которые охватывали 44.5% аратских хозяйств, то к осени 1933 г. коллективизацией было охвачено 73.8% аратских хозяйств. Наряду с перегибами в колхозном строительстве кочевники-тувинцы, привыкшие к кочевому образу жизни, резко отрицательно воспринимали командный метод и насаждение оседлости. Прямым следствием сплошной коллективизации стало то, что в 1931–1933 гг. поголовье всех видов скота по республике сократилось более чем на 13%.[65] Колхозы, склоченные путем откровенного запугивания и устрашения, ввиду их низкой неэффективности в 1933 г. были в большинстве своем распущены.

62 Урянхайско-Тувинская энциклопедия. Кызыл.: ООО «ИПП Журналист», 2001. С. 444.

63 А.В. Шотман-член партии с 1899 г. большевик со стажем, который также участвовал в VI сьезде МНРП (сентябрь 1927 г.) в Улаанбаатаре в 1927 г. См. Монголия в документах Коминтерна. Часть I. (1919–1929). Улан-Уде. 2012. С. 242–247.

64 История Тувы. Том II.М., 1964. С. 147.

65 См. История Тувы. Том II. Новосибирск. 2007. С. 190.

Примерно в начале 1929 г. тоже начались нападки на буддистских монастырей и священнослужителей-лам в Тувинской Аратской Республике. К началу 1920-х гг. в Туве насчитывалось 22 монастырей (по тувински-хурэ — Ц.Б.), и свыше 3 тыс. лам, причем большинство из них жили не в монастырях, как например, в Тибете, Монголии и Бурятии, а среди стойбищ кочевых аратов (по тувински-в аалах).[66] При поддержке властей, в марте 1928 г. в Кызыле состоялся первый буддийский сход. На нем были представители буддистов Тувы, Бурятии, Монголии, Калмыкии и Тибета.[67]

Однако ожидания лам о сотрудничестве духовенства с властями не оправдались, руководсто ТНРП (пленум ЦК ТНРП, январь 1929) решительно взял курс на «очищение от сторонников феодально-теократических элементов, наступление на социально-классовые корни религии». После пленума специальным постановлением Президиума Малого Хурала[68] ТАР церковь лишалась собственности, а духовенство — поддержки органов народной власти и прав юридического лица. Согласно постановлению Президиума Малого Хурала от 19 февраля 1930 г., обучаться в монастырских школах разрешалось только тем, кто достиг 18 лет.[69]

С 1929 начались гонения на лам и разрушения монастырей согласно партийной установке: « ... с контрреволюционными и верхушечными слоями ламства, а также шаманством должна вестись решительная борьба».[70] Почти все монастыри (хурэ) и дуганы были закрыты. Так, в Дзун-Хемчикском хошууне действовали два самых влиятельных хурэ, один из которых был построен в 1878 г., а другой — в 1907 г. Если в 1929 г. в них служили 350 лам, то через год их осталось только 36, в 1931 г. — трое, а в 1932 г. не было уже ни одного ламы.[71]

Беззаконие и произвол ТНРП и правительства ТАР в отношении традиционной знати, служителей культа, зажиточных аратов и середняков вызвали их естественный протест. 17 марта 1930 г. в Дзун-Хемчикском хошууне начался вооруженный мятеж. Волюнтаристские методы и перегибы коснулись широкого круга населения, но, конечно, бывшие нойоны, чиновники и ламы в большей части были ущемлены в политических и гражданских правах. Все это дало толчок к протестному движению, который принял довольно широкие масштабы.

Тувинская исследовательница Аяна А. Самдан на основе Тувинских архивных документов смогла восстановить географию появления очагов

66 *Москаленко Н.П.* Этнополитическая история Тувы. С. 103.

67 Подробно о первом сходе или съезде тувинских лам см.: *Монгуш М.В.* История Буддизма в Туве. Новосибирск, 2001. С. 101–105.

68 Малый Хурал-Законадательный орган, избранный из числа делегатов Великого Хурала или Национального Ассемблея согласно Конституции Тувы 1926 г.

69 История Тувы. Том II. Новосибирск. 2007. С. 259–260.

70 Резолюция II чрезвычайного объединенного пленума ЦК и ЦКК ТНРП. Кызыл, 1933. С. 31–33.

71 *Монгуш М.В.* История Буддизма в Туве. С. 106–107.

вооруженных мятежей с марта 1930 г. в западных районах Тувы. География распространения их была следующая: Дзун-Хемчикский (нынешний Овюрский), Барун-Хемчикский, Монгун-Тайгинский, Тандынский, Пий-Хемский и Улуг-Хемский хошууны ТАР.[72]

Позже к вооруженному сопротивлению присоединилась центральная часть Тувы: Тандынский (сумоны Чал-Кежиг, Суг-Бажы, Кара-Булун), Улуг-Хемский (сумоны Шагаан-Арыг, Белдир-Кежиг, Арыскан, Баян-Кол, Хендерге, Торгалыг) и Пий-Хемский хошууны. В последних двух хошуунах в основном в мятеже приняли участие русское население. Они выступили с лозунгом: «Долой коммунизм — социализм, коллективизацию и непосильные налоги, да здравствует свободная торговля, свободное передвижение за границу, да здравствует буржуазное правительство». Они уничтожили 80 сажен телеграфного провода.[73]

По оценке Аяна А. Самдан, в протестном движении на Хемчике приняли участие 261 (273) человек, а из Пий-Хема и Улуг-Хема — 138. В восстании принимали участие как старое чиновничество ТАР, так и члены Тувинской Народно-Революционной Партии и Тувинского Революционного Союза Молодежи. В конце марта 1930 г. в приграничных с Тувой аймаках Монголии Чандмань уул (современный Увс аймак) и Хан-Тайшир (современный Завханский аймак) началось восстание. Как свидетельствуют документы, один из тувинских вождей Демуртен Тулуш имел связь с одним из руководителей монгольской стороны, дорбетом Тарлу, и каждый из них должен был выступить против своего правительства.[74] Таких трансграничных связей было много.

В этой связи любопытно письмо Л.М. Карахана, заместителя Наркоминдела СССР Генеральному секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину о восстании среди русского населения Тувы, датированное 4 мая 1930 г. В нем Карахан пишет, что три банды русских повстанцев оперируют и они выступают под лозунгом: власть без коммунистов и без коллективизации. В письме говорится, что «В свое время, в конце марта, в момент восстания среди тувинцев на Хемчике, ПБ (Политбюро ЦК ВКП (б) — Ц.Б.) вынесло решение: отряда в Туву не посылать, предоставив Тувинскому правительству справляться с восстанием собственными силами. В данный момент обстановка является более опасной, часть тувинских сил (их всего человек 200) брошена в Хемчикский район. Восстание русских кулаков, явившееся, несомненно, результатом перегибов в области коллективизации, может захватить и некоторую часть русских середняков. Русское население в большинстве своем состоит из бывших партизан (как охотники, почти

72 *Самдан Аяна А.* Вооруженное восстание в Туве в 1930 г. // Новые исследования Тувы. 2020. № 3. С. 70.

73 НАРТ, ф.п. 1, оп. 1, *д.* 1205, *л.* 4. Цит.по *Самдан Аяна А.* Вооруженное восстание. С. 71.

74 РФ ТИГПИ (Рукописный Фонд Тувинского Института Гуманитарных и Прикладных Исследований), *д.* 1132, *л.* 32. Цит. по *Самдан Аяна А.* Вооруженное восстание. С. 71.

поголовно вооружены)». В конце письма Карахан настаивает на немедленном вводе в Туву кавалерийского отряда из Минусинского округа.[75]

Руководство ТАР жестоко подавило вооруженное восстание. К концу мая 1930 г. арестовали до 139 участников мятежа, из них 14 чел. расстреляли, 57 чел. выслали за пределы Тувы. Кроме того, семерых мятежников расстреляли без суда и четверо погибли в перестрелках.[76] Центральная Контрольная Комиссия (ЦКК) ТНРП, после подавления восстания проанализировав лозунги, показания участников, всю ответственность возложила на Панчен-ламу IX,[77] который был объявлен «агентом японских и китайских империалистов». ЦКК ТНРП также предположила, что в Туву возможно проникли лазутчики Панчен-Богдо, так же как в Монголии они якобы были выявлены не только в восточных и западных, пограничных с Тувой аймаках, но и даже среди монгольских армейских частей.[78]

Согласно выводам той же ЦКК ТНРП, мятежники утверждали о том, что конфискации будут подвергнуты все хозяйства — бедняков и богачей; что основная цель конфискации — разорение тувинского населения; экспроприированный скот будет отдан для обеспечения голодных русских в Кызыле; власти хотят ликвидировать религию и насадить животную мораль; лишенных избирательных прав ждет смерть и ссылка за пределы страны. Мятежники заявляли, что у них достаточно сил, поскольку объединены с Монголией и Тибетом, а ламы совершают молебны за их победу.[79]

Тере-хольские мятежники (1932 г.) — бывший чангы• Делик-Кунчул, лама Шомпатык, Менди, Чондаан-Маады и другие — еще осенью 1931 г. повели агитацию против новой власти Тувы и установили связи с монгольскими повстанцами, которые тоже упорно распространяли слухи о падении революционной власти в СССР, МНР и ТАР. Мятежникам Тере-холя удалось собрать под свои знамена немало мужчин. К ним присоединились представители вооруженной оппозиции из Северо-Западной Монголии. В апреле 1932 г. мятежники стали грабить и убивать обитателей сумонов Тере-холя, Качыка, Сайгала, Сайгал-Аксы, Сарыг-Домуна, Шавар-Хараала, Качык-Хараала.[80]

---

75 История ТНР в архивных документах. С. 83–84.

76 История Тувы. Том II. Новосибирск. 2007. С. 192.

77 Панчен-Богдо (или Панчен-лама) — монгольское именование Панчен-ламы, второго по рангу ламы после Далай ламы в школе Гелуг тибетского буддизма. Богдо — на монгольском языке означает «святой». Слухи о приходе Панчен-ламы чтобы спасти народ от «красных» широко распространялись в Туве, Бурятии и Монголии в начале 1930-х гг.

78 НАРТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 885, л. 6. Цит. по *Самдан Аяна А*. Вооруженное восстание. С. 72.

79 НАРТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 1206, л. 4. Цит. по *Самдан Аяна А*. Вооруженное восстание. С. 72.

• Чангы (дзанги) — титул цинского периода, которым называли начальника сумона, ведавшего сумонными делами и отвозившего собранную подать амбан-нойону.

80 История Тувы. Том II. Новосибирск. 2007. С. 193–194.

7 июля 1932 г. правительство ТАР отправило в Кунгуртуг кавалерийский эскадрон под командованием Хертека Шилги-Бызаа, к которому присоединились более ста добровольцев из Танды, Тес-Хема, Каа-Хема и Улуг-Хема. В результате сражения с правительственными войсками в Сайгале мятежники раскололись на две группы. Одна из них двинулась в сторону Тере-Холя, другая — в глубь Сайгала. Отряды правительственных войск преследовали противника в обеих названных направлениях, и вскоре правительственный отряд нанес мятежникам значительный удар. На поле боя остались 78 погибших повстанцев, два пулемета, более ста винчестеров и кремневые ружья. Остальные мятежники отступили на территорию Монголии.[81]

Как и в случае с восстанием на Хемчике 1930 г., восстание на Тере-Холе в 1932 г. имело трансграничный характер. По оценкам Управления государственной внутренной политической охраны (УГВПО) ТАР наблюдались «попытки увязаться идейно и организационно с контрреволюционным и правым элементом в Монголии; организация эмиграционного движения в Монголию, и это касалось почти всех сумонов южной пограничной полосы».[82] Не случайно, секретарь ЦК ТНРП Иргит Шагдыржап докладывал в ИККИ 5 мая 1932 г.: «В связи с событиями в Монголии УГВПО ТАР строго контролирует ситуацию на границе. Всего нами поймано и заключено под стражу 126 феодалов, лам, баев (Улуг-Хем — 31, Тес-Хем — 29, Барун-Хемчик — 27, Чөөн-Хемчик — 20, Каа-Хем — 19)».[83]

Как пишет тувинская исследовательница О.Д. Натсак, Тере-Хольское восстание 1932 г. в Туве по сравнению с монгольскими очагами было локальным, и не имело таких масштабов, как в соседней стране, но с точки зрения сопротивления государственно-партийной политике было чрезвычайным внутриполитическим событием.[84]

В чем причина тувинских восстаний в 1930 и 1932 гг.? Повстанцы выступали против конфискации имущества, неправильной налоговой политики, основанной на подоходно-поимущественном принципе, антирелигиозной пропаганды, а также проведения коллективизации аратских хозяйств, поскольку она разрушает частную собственность. Иными словами, они выступали против правительственных мер, но конкретной программы они не разработали.

Любопытно то, что многие из этих положений совпадали с лозунгами протестовавших в Монголии: « … против подоходного налога; против конфискации имущества феодалов; за неприкосновенность монастырей,

81 История Тувы. Том II. Новосибирск. 2007. С. 194.

82 РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, *д.* 55. *л.* 32.

83 РФ ТИГПИ. *д.* 1291, *л.* 10–11.

84 *Натсак О.Д.* Тере-Хольское восстание в Туве (1932 г.) // Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 3. С. 46.

за "желтую власть"; против русского вмешательства в дела Монголии; против колхозов; за Панчен-ламу; за китайскую торговлю. Причина была в отчаянно тяжелом экономическом положении приграничных районов, плохом снабжении товарами».[85]

Вооруженное восстание в Монголии и смежных районах Тувы в 1930 и 1932 г., побудили И.В. Сталина срочно послать своего надежного человека, тов. Ш.Элиаву в МНР, заместителя Наркомата Внешней торговли СССР чтобы изучить положение на месте, и принять решение о создании в марте 1932 г. постоянной Монгольской комиссии при Политбюро ЦК ВКП (б), которую возглавил нарком обороны К.Е. Ворошилов.[86]

Как показывают архивные документы, Комиссия занималась не только монгольскими вопросами, но и насущными проблемами Тувы. В ноябре 1934 г. К.Е. Ворошилов, глава Монгольской Комиссии, встретился с Тувинской делегацией. На этой встрече Ворошилов подчеркивал, что Тува является для СССР важным стратегическим регионом на восточной границе и что благополучие советских границ зависит от спокойствия внутри Тувы. Он рекомендовал присутствовавшему на встрече наркому иностранных дел М.М. Литвинову внимательно относиться к этому региону.[87]

3. Политические репрессии в Туве и в Монголии в 1930-е гг. : Их синхронность и геополитические расчеты Москвы

Как справедливо пишут авторы «Кембриджской Истории России», «Сталинские лидеры использовали всю принудительную силу государства для достижения своих целей социалистического строительства. Использование Сталиным массовых репрессий в качестве обычного инструмента политики определило одну из отличительных черт его режима …. В период коллективизации и раскулачивания Сталин применял массовые формы репрессий именно в этой манере — в рамках революционной классовой войны за установление Советской власти и диктатуры партии». Они также отмечают, что «Лидеры использовали массовые формы изгнания и депортации для перераспределения советского населения, для создания политически приемлемых национальных идентичностей, для защиты границ страны, для колонизации земель и эксплуатации ресурсов, а также

85 *Кузьмин С.Л., Оюунчимэг Ж.* Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г. М., 2015. С. 29.

86 Как отмечает российский историк С.К. Рощин создание Монгольской комиссии было обусловлено многими факторами, главный из них-крайне сложная международная обстановка на Дальнем Востоке (агрессия Японии, положение в Китае), заинтересованность СССР иметь на Дальнем Востоке надежного союзника. См. *Рощин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.) М.: ИВ РАН, 1999. С. 260, 277.

87 ЦАДПОО НАРТ (Центр архивных документов партий и общественных организаций Национального Архива Республики Тыва) ф. 1. оп. 1. *д.* 1663. *л.* 3. Цит. по *Москаленко Н.П.* Этнополитическая история Тувы в XX веке. С. 118.

для навязывания общественного порядка и экономической дисциплины советскому обществу. Другими словами, Сталин превратил чрезвычайное применение репрессий против политических врагов в обычный инструмент государственного управления».[88]

Несомненно, политические репрессии в Тувинской Аратской Республике в 1937–1938 гг., были частью «Большого террора» охватившего всю территорию СССР, хотя ТАР была как-бы формально независимой республикой. Поэтому, роль НКВД и карательных органов СССР была велика и репрессиями руководили из Москвы. Нельзя не отметить также синхронность «чистки» руководства и политических репрессий в 1930-х гг. как в Монгольской Народной Республике, так и в Тувинской Аратской Республике. Это красноречиво показывает, что решения по тому или иному политическому процессу принимались в Москве с учетом внутренних и внешних факторов обеих республик. Сами тувинские авторы «Истории Тувы», вышедшей в 2007 г., признают, что «Политические репрессии в ТНР были связаны прежде всего с советским влиянием на Туву и резкой сменой политического курса государства .... В своих руководящих указаниях и рекомендациях представители ВКП (б), Коминтерна, советники и инструкторы из СССР постоянно требовали ведения непримиримой классовой борьбы и ликвидации класса феодалов».[89]

Первая крупная «чистка» партии и правительства в МНР и ТАР проходила в конце 1920-х и начале 1930-х гг, когда Коминтерн с одобрения ВКП (б) принял активное участие в подготовке и проведении VII сьезда МНРП[90] в 1928 г. и VIII сьезда ТНРП[91] в 1929 г., на которых были разгромлены т.н. «правые элементы» и провозглашена победа «левых» в партии. Правыми были обьявлены ведущие члены партии и правительства в обеих республиках, выходцы из старого чиновничества, бывшие ламы и лучшие представители зарождающей интеллигенции, которые выступали за народную власть, но одновременно за самостоятельный и постепенный путь развития с сохранением традиционных ценностей кочевой жизни и буддистской культуры.

---

88 David R. Shearer, "Stalinism, 1928–1940," in Ronald G. Suny, ed., *The Cambridge History of Russia*, vol. 3: The Twentieth Century (Cambridge: Cambridge University Press, 2006), p. 214.

89 История Тувы. Том II. Новосибирск. 2007. С. 198.

90 Подробно о роли Коминтерна в подготовке и проведении VII съезда МНРП См. *Рощин С.К*. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.) М.: ИВ РАН, 1999. С. 169–212.

91 Подробно о роли Коминтерна в подготовке и проведении VIII съезда ТНРП См. История Тувы. Том II.М., 1964. С. 132–135.

В этой связи примечательна судьба Монгуш Буян-Бадыргы[92] (монгольское имя Буян-Бадрах — Ц.Б.), председателя правительства ТНР с 1923 г. и одного из основателей ТНРП с 1925 г., который с другими руководителями партии и правительства, был необоснованно обвинен как «правый оппортунист» и был снят со всех государственных и партийных постов. 16 октября 1929 г. решением Высшего совета ТНРП Буян-Бадрах и другие 18 известных членов партии были обвинены в «правом оппортунизме», а позднее обвинены вовсе в контрреволюционной деятельности. 22 марта 1932 г. Буян-Бадраха и 17 опальных политиков обвинили по статье 41 Уголовного кодекса ТАР за контрреволюционную бандитско-грабительскую деятельность и приговорили их к высшей мере наказания. По мнению тувинского исследователя О.Ю. Иргита, тем самым «режим феодалов и священнослужителей» был свергнут и власть в ЦК ТНРП полностью перешла новому поколению молодых людей, получивших образование в вузах Москвы, Ленинграда, в частности в Коммунистическом Университете трудящихся Востока им. Сталина (КУТВ).[93]

«Дело Буян-Бадраха» в Туве можно сравнивать «Делом Лхумбэ» в Монголии, раскрытым в середине 1933 г. в Улан-Баторе. Лхумбэ,[94] секретарь ЦК МНРП, был обвинен в организации шпионской организации в пользу Японии, и по «делу Лхүмбэ» пострадало очень много людей, особенно монгольские этнические буряты, как «враги народа». В этой связи любопытна записка ИНО (Иностранный отдел) ОГПУ, от 27 июля 1933г., И.В. Сталину с информацией о раскрытии в МНР «заговора Лхумбо[95]». В ней говорилось, что якобы Лхумбо еще с 1930 г. связан с японцами и передал директивное письмо японцев контрреволюционной организации провинции Хэнтэй. Письмо извещает Сталина о том, что «По совету

92 Монгуш Буян-Бадрах (1892–1932) — приемный сын одного из наиболее богатых князей или нойнов Тувы, в 15-летнем возрасте после смерти отца принимает нойонский чин. Он был хорошо воспитан, был обучен монгольской и тибетской грамоте, был образованным человеком в свое время. После Синьхайской революции в Китае в 1911–1913 гг. Буян-Бадрах активно поддерживает линию на присоединение края к Монголии. Однако вскоре его взгляды меняются, и он в 1914 г. обращается к России с просьбой об установлении протектората над Урянхайским краем. См. *Москаленко Н.П.* Этнополитическая история Тувы. С. 139.

93 *Иргит О.Ю.* Политические репрессии в ТНР в 1921–1944 гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Иркутск, 2019. С. 88–89.

94 Лхумбэ или Лхумбо (Жамбын Лхумбэ, 1902–1934), в 1927–1930 учился в Центральной партийной школе и КУТВ. В 1930–1932 член Президиума ЦК МНРП, в 1932 г. секретарь ЦК МНРП. Обвинен в ложном деле и расстрелян в июне 1934 г., реабилитирован в 1962 г. См. Монголия в документах Коминтерна. Часть II. (1930–1934). Улан-Уде. 2012. С. 450.

95 Лхумбо-русская транскрипция имени Лхумбэ.

Охтина[96] инструктаж ГВО рекомендовал начальнику Государственной Внутренней Охраны (ГВО) Намсараю поставить вопрос об аресте Лхумбо от имени ГВО. Решением Гэндэна,[97] двух секретарей ЦК и военного министра Лхумбо арестован. Начался допрос Лхумбо».[98]

Роль Коминтерна в обострении борьбы между консерваторами т.е. сторонниками постепенных социальных реформ, с одной стороны, и радикально настроенной молодежью с другой, и свержении законной власти как в МНР так и в ТАР более чем очевидна. Причем Коммунистический Университет трудящихся Востока сыграл большую роль в подготовке монгольской и тувинской партийной элиты, убежденных сторонников марксизма-ленинизма. По мнению монгольского историка Ч. Дашдаваа, делегация Коминтерна во главе с чешским коммунистом Б.Шмералем, прибыла в Улан-Батор в октябре 1928 г. на VII съезд МНРП и развернув бурную деятельность во время съезда с выпускниками КУТВ-а и другими представителями «сельской оппозиции», сумела устроить т.н. «государственный переворот» в Монголии.[99] То же самое можно сказать применительно к ТАР.

Как пишет Тувинский историк Ю.А. Аранчын, что уже к концу 1930 г. около 50% членов партии подверглись «чистке». Были выведены из ЦК ТНРП, Президиума Малого Хурала и Совмина ТАР, а также исключены из партии бывшие князья и крупные чиновники, в том числе Буян-Бадрах и другие. Выпускники КУТВ-а, в том числе С. Тока, О. Шагдар-Сюрюн, О. Полат, Т. Сат (Камова), О. Достай-оол, Н. Товарищтай и др., активно включились в борьбу за власть. Аранчын ссылается на документ, характеризующий социальный и образовательный состав ведущих членов ЦК ТНРП и правительства республики в 1932 г., т.е. вскоре после массовой чистки.[100] Таким образом, Коминтерну удалось устроить «государственный переворот» и полностью захватить партийное и государственное руководство в МНР в 1928 г.,[101] в ТАР в 1929 г.[102]

96 Охтин А.Я. (1891–1938), член РСДРП с 1908 г. В 1921–1922 г. зам. Полпреда РСФСР в Монголии, консул в Керланшахе (Персия, 1922–1925), член правления Совторгфлота (1925–1927), полпред СССР в МНР (1927–1933), начальник главного таможенного управления Наркомата внешней торговли СССР (1935–1937). Арестован в ноябре 1937 г., расстрелян 20 января, реабилитирован 9 мая 1938 г. См. Монголия в документах Коминтерна. Часть II. (1930–1934). Улан-Уде. 2012. С. 455–456.

97 Гэндэн П. — Премьер Министр МНР в 1932–1936 гг.

98 Монголия в документах Коминтерна. Часть II. (1930–1934). Улан-Уде. 2012. С. 354.

99 *Дашдаваа Ч.* Монгол дахь Төрийн эргэлт (Государственный переворот в Монголии). Улаанбаатар, 2008. С. 354.

100 *Аранчын Ю.Л.* Долгий путь к правде // Тувинская правда. 16. 02. 1990.

101 Б.Шмераль доложил 31 окт. 1928 г. в Восточный Секретариат ИККИ о полном захвате партийного и государственного руководства «левыми» при поддержке Коминтерна. См.: Монголия в документах Коминтерна. Часть I (1919–1929). Улан-Уде. 2012. С. 373.

102 Подробно о VIII съезде ТНРП в 1929 г. См. *Доржу З.Ю., Иргит О.Ю.* Политические репрессии в ТНР (1921–1944 гг.). Новосибирск: Изд-во «Наука». 2022. С. 88–90.

Граф. 2. Список ведущих членов ЦК ТНРП в 1932 г.

Фамилия	Год рождения	Член партии	Образование и социальное происхождение	Новая должность
С. Тока	1901	Член ТНРП и ВКП(б) с 1929 г.	Батрак, окончил КУТВ в 1929 г.	Секретарь ЦК ТНРП
И. Шагдыржап	1899	Член ТНРП с 1923 г.	Самоучка, батрак	Генеральный секретарь ЦК ТНРП
А. Ш.Баир	1904	Член ТНРП с 1922 г.	Середняк, учился на 3-х месячных курсах партшколы	Секретарь ЦК ТНРП
Сандып	1895	Член ТНРП с 1922 г.	Середняк, самоучка	Председатель ЦК ТНРП
Сат Чурмит-Тажи	1884	Член ТНРП с 1922 г.	Бывший лама, самоучка	Председатель Совмина ТАР
Чульдум		Член ТНРП с 1924 г.	Бедняк, окончил первый класс школы 2-й ступени	Председатель Президиума Малого Хурала ТАР
О. Танчай	1884	Член ТНРП с 1921 г.	Бывший чиновник до 1921 г., самоучка	Председатель Госплана ТАР

Источник: Аранчын Ю.Л. Долгий путь к правде // Тувинская правда. 16. 02. 1990.

Вторая половина 1930-х гг. было отмечено восхождением руководителей, наиболее предпочитаемыми ВКП (б) в обеих республиках, Х. Чойбалсана в Монголии, и С. Тока в Туве. «Избранник» Сталина монгольский политик Х. Чойбалсан (1895–1952) становится с конца 1934 г. первым заместителем Премьер-Министра МНР, с 1936 г. министром Внутренних дел, с марта 1939 г. Премьер-министром страны. В его руках сосредоточивается огромная власть, к 1939 г., он совмещает должности Премьер-министра, министра Внутренних дел, Военного министра, главкома, министра иностранных дел, члена Президиума ЦК МНРП. Он фактически становится первым лицом в стране.[103]

103 Tsedendambyn Batbayar, *Modern Mongolia: A Concise History* (Ulaanbaatar: Mongolian Center for Scientific and Technological Information, 1996), pp. 51–53.

Похожую карьеру удалось сделать тувинскому политику Салчак Тока[104] (1901–1973). В середине 1920-х гг. Тока закончил КУТВ имени И.В. Сталина в Москве и возвращается в Туву. В 1929 г. он становится вторым секретарем ЦК ТНРП, а с 1932 г. — первым секретарем ЦК ТНРП. Осенью 1939 г. С. Тока становится генеральным секретарем ЦК ТНРП. Как пишут тувинские историки, что «главным руководителем репрессий 1930-х годов был Центральный комитет ТНРП во главе с Генеральным секретарем Салчаком Тока. И как тогда его назвали «Сталин Тувы»: он действительно был его маленькой копией».[105]

С начала 1930-х гг. И.В. Сталин, т.е. высшее советское руководство стало вплотную, непосредственно заниматься как монгольскими, так и тувинскими делами. Если раньше много вопросов проходило через ИККИ, то теперь прямо через ЦК ВКП (б) и СНК СССР. Как говорилось ранее, создается постоянная Монгольская комиссия Политбюро ЦК ВКП (б) во главе с К.Е. Ворошиловым — «для разрешения всех вопросов, касающихся Монголии».[106] Сам И.В. Сталин неоднократно встречался с Премьер-министрами МНР в 1930-х гг. Он, в частности, встречался с Премьер-министром П. Гэндэном дважды в ноябре 1934 г. и в декабре 1935 г., с Премьер-министром А. Амаром в декабре 1936 г. Сталин требовал от П. Гэндэна и А. Амара бороться беспощадно с властью буддистских лам и призывал настойчиво укреплять армию и повышать обороноспособность. В декабре 1935 г. Сталин при встрече с Гэндэном акцентировал внимание на вопросах обороны, ламства, и потом на остальные вопросы. Он требовал укрепление обороны страны, резко увеличить расходы бюджета на военные цели (с 25% в 1935 г. до 50–60% в 1936 г.). По инициативе советской стороны 12 марта 1936 г. был подписан Протокол о взаимной помощи между СССР и МНР.[107]

Заместитель наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомоняков в 1930-х гг. курировал как монгольские, так и тувинские дела. Он, в частности, встречался с главой правительства Тувы Чурмит-Тажи (монгольское имя Жүрмэд-Даш — Ц.Б.) и узнавал о положении дел в партии и правительстве Тувы, в том числе о взаимоотношениях между Чурмит-Тажи и С. Тока. На

104 С 1944 г. когда Тува официально вошла в состав СССР, С. Тока до конца жизни являлся первым секретарем Тувинского обкома КПСС. Как пишет Н.П. Москаленко, «С. Тока был удачливым и умным политиком, порожденным сталинской эпохой, принявшим правила ее игры и тем самым обеспечившим себе редкое в то время политическое долголетие. Он сделал, с одной стороны, немало полезного для Тувы, а с другой-несет историческую ответственность за негативные процессы, протекавшие в годы его руководства республикой». О карьере С. Тока См. *Москаленко Н.П.*. Этнополитическая история Тувы. С. 168–171.

105 *Саая С.В., Сат С.Ч.* Причины политических репрессий в ТНР в 1930–1940 гг. // Вестник Тывинского Государственного Университета. 2009. № 1. С. 64.

106 РГАСПИ. ф. 495, оп. 152, *д.* 149, *л.* 31–39.

107 Подробно об этом см. *Рощин С.К.* Политическая история Монголии. С. 277–289.

той же беседе Чурмит-Тажи жаловался на командный метод, практикуемый Кутвинским большинством в партии и правительстве. Чурмит-Тажи и С. Тока оба прибыли в октябре 1937 г. в Москву на празднование 20-й годовщины Октябрьской революции. В начале октября 1937 г. Б.С. Стомоняков посылает председателю СНК СССР В.М. Молотову письмо, в котором настойчиво просит принять Тувинскую делегацию. Делегацию принял 1 декабря его заместитель В.Я. Чубарь. На встрече присутствовали полпред ТНР в СССР Хавакчан, заместитель наркома иностранных дел Б.С. Стомоняков.[108]

С 1936 г. Министерства Внутренних дел (МВД) в МНР и в ТАР получают широкие полномочии и становятся орудием в руках «избранников» Сталина, как Х. Чойбалсана так и С. Тока. Заново созданное МВД в Монголии в 1936 г. под руководством Чойбалсана занимал чуть ли не центральное место в структурах власти, его функции и полномочия стали шире, и контроль над его деятельностью со стороны партии и правительства стала номинальной. С. Тока назначает своего надежного человека О. Полата, выпускника КУТВ-а, на пост министра внутренних дел ТАР в 1936 г. У Тока были развязаны руки, и он мог расправляться со своими политическими противниками с помощью карательных органов.

«Большой террор» начавшийся по всему СССР в 1937 г. не обходит стороной формально независимые республики МНР и ТАР. Из государственных органов СССР, особенно правохранительных, поступали советы и рекомендации по разоблачению «контрреволюционеров», для оказания практической помощи местным органам командировались советники и специалисты. 18 декабря 1937 г. подвергается аресту Кара-Сал Пиринлэй-государственный прокурор ТАР, а также председатель Кызылского городского самоуправления Ховалыг Саин, 29 декабря — бывший полпред в МНР Ооржак Тастай-оол и председатель Кызылского городского потребительского общества Оюн Артаа. В декабре 1937 г. Президиум ЦК ТНРП рассмотрел вопрос «Об антипартийном поведении и линии Оюна Танчая» и вывел его из состава ЦК и исключил из членов партии. Вскоре 19 февраля 1938 г. последовал арест того самого Оюна Танчая, бывшего председателя Госплана ТАР.[109]

«Большой террор» в обеих республиках в 1937–1938 гг. шел параллельно. В конце августа 1937 г. в Улаанбаатар, столицу МНР, прибывает заместитель наркома внутренних дел СССР М.П. Фриновский. Он привез с собой черный список на 115 человек, подозреваемых в «контрреволюционных заговорах». «Дела» шли одно за другим, страшные, непостижимые. Наиболее шумное — «дело контрреволюционной организации Гэндэна-Дэмида», по которому получилось, что недавний Премьер-министр П. Гэндэн и главком Монгольской армии Г.Дэмид якобы были японскими

108 *Москаленко Н.П.* Этнополитическая история Тувы. С. 145–147.

109 История Тувы. Том II. Новосибирск. 2007. С. 202.

шпионами. «Заговорщиков» этой организации приговорили к высшей мере наказания в октябре 1937 г. Среди 115 «заговорщиков» — Д. Яндаг (член Президиума ЦК, председатель Центральной ревизионной комиссии МНРП), Л. Дарьзав (заместитель Главкома), Г. Самбуу (Вице-премьер), Ж. Малж (начальник Генштаба), М. Ядамсурэн (Главный прокурор) и многие другие. Тогда же, в октябре 1937 г. состоялся открытый, показательный суд над высшими ламами Монгольской буддистской церкви-Ензон хамба, Дэд хамба и другими. Их также обвинили в связях с группой Гэндэна-Дэмида, с японской разведкой и расстреляли.[110]

Как происходило раскрытие Тувинской «контрреволюционной организации»? Бывший министр МВД О. Полат, занимавший этот пост в 1936–1938 гг., описывает свой визит в Москву следующим образом. Он пишет: «в 1938 г. я выехал на лечение в Кисловодск. 20 мая был принят первым заместителем НКВД СССР М.П. Фриновским. Он сказал, что ответственные люди вашего правительства создали контрреволюционную организацию. Я совершенно был ошарашен: откуда и кем составлен список и мне были неизвестны их конкретные дела. По возвращении я, естественно, сразу же доложил об этом Тока, а также узнал, что прибыл новый советник И.П. Рогов, присланный МВД СССР».[111] Из этого следует, что черный список «заговорщиков» в Туве уже был составлен сотрудниками НКВД СССР в Москве в мае 1938 г. и с ним был ознакомлен Полат.

Несколько иную версию событии дают авторы «Истории Тувы» второго тома, вышедшей в Новосибирске в 2007 г. По их версию, О. Полат имел в руках материалы «доносчика» МВД ТАР о Чурмит-Тажи и других и доложил об этом С. Тока, и тот посоветовал ему»: Езжай в Москву сам, доложи современную обстановку в Туве и проси прислать опытного работника».[112] Действительно, в мае 1938 г. О. Полат поехал в Москву и через посла ТАР в СССР якобы договорился о встрече с М.П. Фриновским. По воспоминаниям Полата, Фриновский сказал ему следующее: «Мы знаем, что происходит в вашей стране. Глава вашего правительства вместе с несколькими ответственными [работниками создал] контрреволюционную группу в Туве и руководит ими. Их дело скоро раскроется. Лучше будет, если вы заранее подготовите им замену. Мы отправим вам опытного сотрудника, чтобы он помогал МВД ТАР».[113] Из этой беседы следует, что Фриновский уже прямо говорит о действующем главе правительства ТАР, т.е. о Чурмит-Тажи, председателе Правительства ТАР с 1923 г как о главном «заговорщике».

Очень любопытно письмо О. Полата, который он отправил 22 мая 1938 г. в Кызыл на имя С. Тока. Он писал: «Дорогой дарга Тока (Дарга-почтительное монгольское слово — Ц.Б.), 20 мая был принят в МВД СССР.

110 *Рощин С.К.* Политическая история Монголии. С. 292–293.

111 РФ ТИГПИ. *д.* 1292. т. 2. *л.* 17.

112 История Тувы. Том II. Новосибирск. 2007. С. 203.

113 РФ ТИГПИ. *д.* 1292. т. 2. *л.* 6.

Меня принял первый заместитель министра Ежова Фриновский. Я доложил ему о внутреннем положении ТАР и о группе Танчая. Фриновский мне посоветовал:

1. Сколачивайте группы из числа противников Танчая, и надо вести борьбу.
2. Прежде чем приступить [к]борьбе с ними, серьезно взвешивайте свои силы. Надо создавать группы единомышленников из числа служащих, армейцев. Для этого внимательно изучите наш опыт в Монголии.
3. Заранее подготовьте людей, кем заменить этих людей по каждой организации.
4. Для ликвидации данной группы мы даем вам в качестве советника Рогова.
5. Обещайте ознакомить [со]всеми ... материалами, которые касаются нас.
6. Надо окончательно ликвидировать такую группу, иначе они будут вам постоянно мешать.

И, подробно рассказав все обстоятельства, тов. Фриновский строго наказывал, чтобы при ликвидации таких групп постоянно держали связь с тов. Тока. Каждый свой шаг взвешивайте и советуйтесь ...».[114]

Из письма Полата к Тока становится ясным некоторые детали этой совместной фабрикации громкого «дела Чурмит-Тажи и Хемчик-оола» в ТАР руками НКВД СССР и МВД ТАР. Во-первых, их не устраивало дело Оюна Танчая, бывшего председателя Госплана ТАР, арестованного в феврале 1938 г. Они считали его «мелкой фигурой» и им нужно было громкое более резонансное дело. Во-вторых, заместитель Н.И. Ежова М.П.Фриновский был организатором всех этих дел, и он советует Полату «внимательно изучать наш опыт работы в МНР». По его указанию был составлен черный список для МНР, поэтому, вероятнее всего, он же руководит составлением такого же списка для ТАР. В-третьих, НКВД не уверен в компетентности МВД ТАР, поэтому посылает опытного работника И.П. Рогова из центра, чтобы тот руководил всей операцией непосредственно на месте в Кызыле.

В августе 1938 г. был арестован председатель Совета министров ТАР Чурмит-Тажи и 8 других деятелей по обвинению в организации «заговора против республики». 31 августа на III пленуме ЦК ТНРП со специальным докладом выступил сам С. Тока. Тока заявил о том, что «усилиями работников МВД ТАР тов. Полата, Намчака под руководством ЦК ТНРП была раскрыта контрреволюционная организация, возглавляемая врагами народа Чурмит-Тажи, Хемчик-оолом, Оюн Танчаем, стремившимися

114 РФ ТИГПИ. д. 1292. т. 2. л. 12.

реставрировать феодализм в ТАР и передать ее империалистической Японии».[115]

Интерес вызывает формулировка постановления т.н. открытого суда, назначенного Президиумом Малого Хурала ТАР и состоявшегося 10–13 октября 1938 г.. Там говорилось о «раскрытии шпионской контрреволюционной организации, связанной с правотроцкистским блоком, а также с агентурной сетью японской разведки в Коминтерне и Гэндэно-Дэмидовским заговором в МНР». Точно такое же обвинение было произносено в вышеупомянутом докладе С. Тока.[116] Не случайно, организаторы открытого суда хотели представить дело «Чурмит-Тажи и Хемчик-оол» — а в одной связке с громким делом «Гэндэн-Дэмидовской группы» в соседней Монголии. Тем самым, они хотели показать тувинской общественности, что обе эти группы имели связь между собой, а главное, обе группы имели контакты с японской агентурной сетью в Коминтерне и хотели передать как МНР так и ТАР империалистической Японии.

Как пишет Тувинский исследователь Ю.О. Иргит, группа из 9-ти деятелей партии и правительства, в том числе С. Чурмит-Тажи, А. Хэмчик-оол, О. Танчай, К. Пиринлей, С. Лопсан, К. Сунгар-оол, О. Сэнгижик, была приговорена к расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был приведен в исполнение 16 октября 1938 г. В 1937–1939 гг. были репрессированы десятки работников государственных и общественных организаций, а также сотни аратов, которых обвиняли в пособничестве «врагам народа» — «чурмит-тажынцам», названных так по имени репресированного Премьер-министра ТАР. По мнению Иргит, «Дело девяти», т.е. «Дело Чурмит-Тажи и Хемчик-оола» стал переломным моментом в истории ТАР, окончательно определившего молодую республику по советской модели развития. Сам судебный процесс был самым освящаемым и обсуждаемым событием довоенного периода, запустившего репрессивную машину по всей Туве для поимки «контров», «японских шпионов» и других «вредителей».[117]

Огромны были потери как МНРП так и ТНРП. Из 11 членов Президиума ЦК МНРП, избранного на IX съезде в 1934 г., к 1940 г. остался один Х. Чойбалсан. Репрессиям подверглись 73% членов ЦК МНРП, 57% членов центральной партийной комиссии, 80% членов центральной ревизионной комиссии. Среди репрессированных — видные государственные и партийные деятели Монголии-П.Гэндэн, А. Амар, Д. Догсом, Д. Лосол, С.

115 Полный текст доклада С. Тока был опубликован в сборнике Тувинского общества «Мемориал» в 2003 г. См. Культ личности и политические репрессии в Туве. Кызыл: Общество «Мемориал». 2003. С. 8.

116 Культ личности и политические репрессии в Туве. Кызыл: Общество «Мемориал». 2003. С. 43–44.

117 *Иргит О.Ю.* Политические репрессии в ТНР в 1921–1944. Дис. ... канд.ист.наук.Иркутск. 2019. С. 144.

Довчин, О. Бадрах, З. Шижээ, Р. Мэнд, Д. Лувсаншарав и другие.[118] Принято считать, что в общей сложности в МНР были репрессированы более 30 тыс. человек, из них не менее 17 тыс. были священнослужителями, т.е. ламами.[119]

Авторы «Истории Тувы» второго тома (Новосибирск, 2007) приводят такие цифры о репрессированных в Туве. «Согласно неполным данным, по политическим статьям в годы репрессии были осуждены 1,214 чел. (930 из них впоследствии реабилитированы, 131 дело на 322 человек, направлено на пересмотр вынесенных по ним решений в прокуратуры Республики Тыва и Российской Федерации).[120] Н.П. Москаленко приводит цифры чуть меньше. Она пишет: «По подсчетам специальной комиссии по политической реабилитации, созданной в постсоветское время, с 1929 по 1954 г. по обвинению в контреволюционных и других государственных преступлениях было репрессировано 1,036 человек, из них приговорено к высшей мере наказания-расстрелу 133 человека».[121]

Как пишет российский историк С.К. Рощин, «Трагические события в Монголии невозможно понять без учета политики Сталина и его окружения. Первопричины-вовне».[122] Как отмечалось в заявлении ТАСС (июль 1990 г.), «анализ имеющихся в МНР и СССР архивных материалов показывает, что репрессия против партийных, государственных, военных кадров, интеллигенции, священнослужителей, других монгольских граждан в указанный период осуществлялись в обстановке, порожденной сталинщиной, организовались и проводилось Х. Чойбалсаном и его окружением при участии подручных Ежова, а затем Берии. Некоторые граждане МНР, включая ряд руководящих деятелей МНРП и членов правительства страны, были незаконно осуждены и погибли в СССР. Впоследствии они были полностью реабилитированы».[123] Автор этих строк твердо уверен, то же самое полностью относится к репрессиям в Тувинской Аратской Республике.

Как пишут тувинские историки, «Прямая причастность советских органов к репрессиям в ТНР и их ведущая роль-очевидны. Без учета политики Сталина, событий в СССР многое в ТНР понять невозможно. Многие события СССР в определенном порядке повторялись в ТНР. Инициативы принадлежали СССР и поклонники СССР в Туве стали активными действующими лицами происходившей драмы».[124]

---

118 Улс төрийн талаар хэлмэгдэгсдийн дурсгалын Цагаан ном (Белая книга памяти политических репрессированных). Улаанбаатар. 1993. С. 7 и др.страницы.

119 Batbayar, *Modern Mongolia: A Concise History*, pp. 52–53.

120 История Тувы. Том II. Новосибирск. 2007. С. 206.

121 *Москаленко Н.П.* Этнополитическая история Тувы. С. 143–144.

122 *Рощин С.К.* Политическая история Монголии. С. 296.

123 «Известия», 07. 07. 1990.

124 *Саая С.В., Сат С.Ч.* Причины политических репрессий в ТНР в 1930–1940 гг. // Вестник Тывинского Государственного Университета. 2009. № 1. С. 64.

Политические репрессии 1930-х годов как в Монгольской Народной Республике так и в Тувинской Аратской Республике были не изолированными событиями, а в точности повторяли и прямо отражали политические процессы в центре, т.е. в СССР. Все, что происходило в центре, т.е. «беспощадная расправа с правыми», «ежовщина», «большой террор», некоторое послабление репрессии с приходом Берии, и опять репрессии, были повторены точностью в обеих республиках. Хотя обе республики являлись формально «независимыми», НКВД СССР вполне чувствовал себя «хозяйном дома» и свободно действовал на их территории.

Автор настоящей статьи находит удивительные сходства и параллели в политических репрессиях как в МНР так и ТАР. Невозможно понять то что происходит в Туве без понимания того что происходило в Монголии. Политические события в МНР во многом опережали события в ТАР, и неслучайно, кураторы из НКВД СССР постоянно напоминали тувинским коллегам из Кызыла «внимательно изучать наш опыт в Монголии».

Заключение

В Туве в 1920-х и в начале 1930-х гг. монгольский язык и письменность играли важную роль как средства просвещения, коммуникации и даже партийной пропаганды. На ключевые процессы в гуманитарной сфере оказали решающее влияние языковая и культурная политика СССР, а также намерение советской дипломатии и Коминтерна постепенно ликвидировать монгольское культурное влияние в тувинском обществе. Одновременно КУТВ и другие учебные заведения в СССР планомерно готовили тувинских партийных и государственных кадров, воспитанных на большевистских идеях.

Коллективизация в ТАР в конце 1920-х и в начале 1930-х гг. была проведена по установке Коминтерна и ВКП (б) без учета местных особенностей, специфики многовековой традиции кочевого скотоводства. Конфискация скота и личного имущества у знати и зажиточных скотоводов с передачей конфискованного скота беднякам привели к разрушению традиционной системы труда, к падежу скота и проеданию скота колхозами. Беззаконие и произвол правящей партии и правительства в отношении традиционной знати, служителей культа, зажиточных аратов и середняков вызвали их естественный протест. Особенно острую реакцию вызывало нападение на монастыри и лам, которые веками почитались у коренного населения. В нескольких хошуунах начался вооруженный мятеж. Волюнтаристские методы и перегибы коснулись широкого круга населения, но, конечно, бывшие князья, чиновники и ламы в большей части были ущемлены в политических и гражданских правах. Все это дало толчок к вооруженным восстаниям, которые приняли довольно широкие масштабы.

Высшее руководство СССР, в том числе И.В. Сталин, внимательно следили за развитием событий как в МНР так и ТАР, и через лояльных к СССР руководителей, т.е. Хорлоогийн Чойбалсана в Монголии и Салчак Тока в Туве, прямо вмешивались во внутренние дела обеих республик и диктовали им свои условия. Одни и те же дипломаты и кураторы из НКВД, НКИД и других органов СССР руководили локальными процессами на местах, и советские чекисты в качестве «советников» и «инструкторов» работали в местных МВД в обеих республиках.

Главную причину политических репрессии следует искать не в Улаанбаатаре или в Кызыле, а в центре т.е. в Москве. Хотя были внутренние противоречия в партийном и государственном руководстве в обеих республиках, т.е. политическое соперничество между партийными фракциями, персональные амбиции политических фигур и бесчисленные доносы друг на друга, которыми кстати, умело воспользовались и манипулировали советские органы, все же инициатива тех или иных политических репрессии исходили из центра, т.е. из Москвы.

Геополитика И.В. Сталина на Советском Дальнем Востоке, особенно его опасения по поводу японской военной угрозы, его «шпиономания», его постоянные предупреждения местных властей об опасности «пятой колонны — пособников японской военщины» и т.д. сыграла решающую роль в развязывании «большого террора» в Монгольской Народной Республике и Тувинской Аратской Республике как «геостратегической, приграничной, буферной зоны», непосредственно граничищих с «враждебным, внешним миром». Танну-Тува, граничищая с МНР и составляющая одно большое буферное пространство на восточных рубежах СССР, стала объектом советского, т.е. Сталинского, «социального эксперимента» по советизации всех сторон жизни и культурной ассимиляции населения Тувинской Аратской Республики (или Тувинской Народной Республики) особенно в 1930-х и 1940-х гг.